

Левъ Толстой и культура.

Одни утверждаютъ, что Левъ Толстой гениальный художникъ; по ихъ мнѣнію проповѣдь его послѣднихъ десятилѣтій принесла одни только печальные плоды. А другіе утверждаютъ какъ разъ обратное: въ умѣніи жертвовать своимъ художественнымъ гениемъ во имя религіозной правды—всемірно-историческое значеніе личности Льва Толстого. Личность жѣ эта какъ будто всякій разъ выросла по мѣрѣ того, какъ отъ личности отказывался Левъ Толстой. Тѣ и другіе, однако, признаютъ кризисъ въ серединѣ его писательской дѣятельности. Жила, дѣйствовала, творила одна половина души великаго человѣка, и вотъ—ея нѣтъ: души половина пропала. И послѣднія десятилѣтія пишетъ, живетъ, дѣйствуетъ другая половина души писателя. Но душа—одна: печатью бездушія, мертвенности должна быть отмѣчена либо первая, либо вторая часть жизни Толстого.

Такъ ли это?

Можно было бы много и долго спорить съ поклонниками Толстого-художника, отрицающими величіе второй половины его жизни, но тутъ останавливаешься невольно: Толстой, создатель „*Анны Карениной*“, „*Войны и Мира*“, не сумѣлъ создать своей личной жизни съ той же силой и непосредственной убѣдительностью, съ какой изваялъ онъ предъ нами не существующія жизни своихъ героевъ, о насколько болѣе реальныя для коллективнаго сознанія человѣчества, нежели жизнь любого подлинно существующаго средняго человѣка. Проклиная культуру, онъ остался въ культурѣ; отрицая государство, не ушелъ изъ него—да и куда бы могъ онъ уйти. Всѣ разсужденія его о реальной, трудовой жизни—разсужденія о жизни несуществующей, невозможной въ рамкахъ современной государственности. На одной чашкѣ вѣсовъ оказалась Рос-